

Анри Бергсон. М., 2003 [фрагмент]

На становление этико-религиозной концепции Бергсона серьезно повлияли его размышления о Первой мировой войне, когда он пришел к выводу о том, что «сами представители религии не осознавали ясно ее истинную сущность и направляли религиозное воспитание по ложному пути»¹. Масштабы войны, количество жертв, невиданная до тех пор жестокость массового истребления потрясли Бергсона; в войнах он увидел одну из наиболее болезненных и насущных проблем современной цивилизации. Война показала Бергсону то, что он сам уже понимал: незавершенность и недостаточную обоснованность его концепции человека; представление о сознании как постоянном изменении без определенного направления и цели все больше требовало корректировки. Кроме того, война, вскрывшая всю опасность национализма, заставила Бергсона глубже, чем прежде, задуматься над проблемами взаимоотношений народов и наций и пересмотреть в итоге некоторые собственные установки.

В начале войны он, как и многие его сограждане, был охвачен патриотическими чувствами – и даже более того: в известной мере его не миновали распространенные в ту пору националистические настроения. В отечественной литературе существует любопытный документ: изданный Б.С. Бычковским в 1916 г. сборник «Две культуры», куда вошли статьи немецких и французских философов, написанные в военный период и посвященные проблемам войны. Среди авторов – В. Вундт, К. Лампрехт, Бергсон, Э. Леру. Здесь же помещен манифест 93 немецких ученых «Призыв к цивилизованному миру», где выражается протест против ложного освещения «справедливой и честной позиции», занятой Германией в «навязанной ей войне». Эта небольшая книжка дает отчетливое представление о националистическом угаре, которому поддались видные ученые и философы, искажающие в своей аргументации исторические факты, тенденциозно трактующие события, национальные характеры и психологии. Б.С. Бычковский предпослал сборнику весьма суровое по тону предисловие, где, среди прочего, писал: «К великому прискорбию, власть мрака подчинила себе самих носителей света, и мы присутствуем при постыдном зрелище. В кровавое столкновение народов вовлечены выдающиеся представители науки, философии, искусства. Они сорвались с общих высот творчества, разбрелись по сторонам и, бросив друг другу вызов, разорвали великие хартии, еще вчера святые для каждого из них... Вожди германской мысли не останавливаются перед подлогом исторической правды, лишь бы умалить значение культуры благородной нации, столь богатой гениями мысли и чувства... А энтузиасты-французы в пылу полемики не видят зияющей пропасти, отдаляющей вдохновенных творцов идеалистической философии, мягкого проникнутого религиозной настроенностью романтического искусства этих страстных искателей правды, тосковавших по вечном, вневременном, от гг. Бернгауди, Вильгельмов, предводителей диких орд, дерзнувших в век расцвета гуманитарных наук провозгласить примат грубой силы над правом, духа разрушающего над духом созидующим»².

Это в целом справедливая оценка – сборник действительно производит тяжелое впечатление. В число деятелей культуры, которых Бычковский заклеил позором, попал и Бергсон. Под заголовком «Мысли о войне» в сборнике помещен фрагмент его выступления на публичном заседании Академии юридических и политических наук 12 декабря 1914 г. (он был тогда президентом этой Академии). Он говорит здесь о завоевательском инстинкте, свойственном Германии, о ее нравственном падении, о немецком варварстве, не признающем иных ценностей, кроме «индустриализма, милитаризма, машинизма» (с. 67), и делает вывод о

¹ Sundén Н. Op. cit., p. 29.

² Бычковский Б.С. К русскому изданию // Две культуры (К философии нынешней войны). Пг., 1916, с. 4-5.

том, что «ошибки» Германии – на самом деле законные детища ее философии, «которая в свою очередь является продуктом ее жестокости, ее алчных appetitов, ее органических пороков» (с. 64). Правда, подобный перенос в сферу философского анализа политических установок был тогда фактом очень распространенным. Еще в конце XIX века, после войны 1870–1871 г., философия Гегеля приобрела во Франции негативные коннотации из-за восхваления немецким мыслителем Пруссии. Общекультурные проблемы стали восприниматься в националистическом ключе, когда речь шла об отношении к деятелям немецкой культуры³. Бергсон и Рудольф Эйкен – один из 63 немецких ученых, подписавших манифест, оказались теперь по разные стороны баррикад: мудрость, подобающая философам, долгие личные контакты – все было оттеснено на задний план ложно понятой приверженностью интересам страны. Это зрелище философской мысли, рухнувшей с высот духа, где ей следовало бы находиться, заставляет задуматься о многом: и о «человеческом, слишком человеческом», и о копившемся почти полвека у французских мыслителей чувстве поправленного национального достоинства, унижения, и о том, как опасно сближается порой благородное чувство любви к родине с его искаженным отражением – национализмом.

Такова была оборотная сторона патриотизма Бергсона, для которого в годы войны «существовала только Франция», – этим определялись и поступки, и суждения. Правда, в его статье, при всех «перехлестах», сделана все же попытка объективного анализа, и она производит не такое удручающее впечатление, как, например, статья Вундта. Однако факт остается фактом – Бергсон действительно участвовал в пропаганде войны, изменив спокойствию и взвешенности в суждениях, которые отличали его в обычное время. Это нашло отражение во многих его работах данного периода, где общие философские темы часто преломляются сквозь узкую политическую призму. У Бергсона, с его устремленностью к глубинам, к сути, к подлинности такой переход в сферу «поверхностного», захваченность господствующими, «стадными» чувствами были особенно удивительны и неожиданны: ведь вся его ранняя доктрина предполагала борьбу с любой узостью и ограниченностью мышления, одно из выражений которой и являет собой национализм. Уже само его происхождение, жизнь в семье космополитов, где переплелись многие национально-культурные влияния, определяли более широкий взгляд на эти проблемы. К тому же, став объектом нападок Ш. Моррасса и его сторонников, он неоднократно убеждался в том, чем чреват национализм и шовинизм. Быть может, поэтому националистические настроения Бергсона не были ни длительными, ни прочными, а концепция, развитая им в поздний период, содержала в себе недвусмысленное осуждение национализма.

³ Известно, какое отражение это нашло в тот же период и в России, к примеру в работах В.Ф. Эрн, в том числе в докладе с примечательным названием «От Канта к Круппу», с которым он выступил в 1914 г. на заседании Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева. В ряде моментов концепцию Эрн (она рассмотрена, например, в статье Ю. Шеррер «Неославянофильство и германофобия. Владимир Францевич Эрн» // Вопросы философии, 1989, № 9) можно сопоставить с идеями Бергсона, развивавшимися в тот же период (трактовка глубинного смысла войны как столкновения принципов силы и принципа правды, отождествление немецкого милитаризма и немецкой культуры и др.).